

Встретившись с его сложным, туманным взглядом, Чи Юцин остановился в шаге от Дуань Цзинсяня. Он нарочно понизил голос, сделал его мягче, чтобы лишний раз не давить на собеседника:

— О чём ты переживаешь? Полагаю... Дело тут не совсем в Дуань Минъюе.

Второй молодой господин был лишь искрой, давшей детонацию.

Поступи тот так, Дуань Цзинсянь не мог не расстроиться из-за предательства родного брата, однако Юцин ощущал от него кое-что иное... Тревога — вот что сейчас проступало сильнее всего.

Честно говоря, выглядело это странно.

Или Цзинсянь изначально ждал от своего взбалмошного братца подобной глупости и теперь ничему не удивлялся?

Дуань Цзинсянь не ожидал, что Юцин спросит прямо в лоб. Пальцы, сжатые в кулак, едва заметно дрогнули, но мгновение спустя он тихо выдохнул, почувствовав странное облегчение. Ну конечно, этот парень всегда на редкость чутко ловил любые изменения в чужом настроении.

Вот только подбирать слова было нелегко.

Старшему не подобает раскрывать душу перед младшим, да ещё и показывать перед ним слабость — тем более перед тем, кого так бережно опекаешь.

Заметив его молчание, Чи Юцин чуть склонил голову набок и всё понял: Цзинсянь не хотел врать, но и выкладывать всю правду пока стеснялся.

Немного подумав, он быстро нашёл выход.

Положив ноутбук на стол, Юцин обогнул его, выдвинул ящик тумбы и достал оттуда плюшевого панду. Затем опустился на корточки прямо у ног Дуань Цзинсяня, бережно разжал его зажатые пальцы и вложил игрушку в ладонь.

Запрокинув голову, он мягко улыбнулся:

— Мы можем поговорить позже, я не тороплю.

Дуань Цзинсянь посмотрел на панду в своей руке, потом на Чи Юцина, и буря в его душе

немного утихла.

В конце концов, перед ним был не чужой человек.

Возможно, стоит попробовать довериться?

Опустив взгляд на игрушку, он слегка сжал её в пальцах, избегая прямого контакта с глазами Юцина. Смотреть на него снизу вверх и говорить откровенно было бы слишком трудно, а так, отведя глаза... пожалуй, кое-что сказать можно.

Помолчав немного, Цзинсянь тихо спросил:

— В больнице... Обещание, которое ты дал, всё ещё в силе?

Голос звучал сдержанно и прохладно.

Но Юцин слышал не только интонацию, но и скрытое за ней сомнение:

— В тот день я наговорил много всего. Но больше всего мне въелись в память слова дядюшки про то, как он встретил того самого человека. Конечно, всё в силе.

— Я не об этом!

Возразив, Дуань Цзинсянь невольно взглянул на Чи Юцина и тут же потонул в его сияющих, тёплых глазах. Сколько бы он ни смотрел в них, сопротивляться этому искреннему свету было выше его сил.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Цзинсянь всё же озвучил висевшее на душе опасение:

— Ты сказал, что жесткость — это не всегда плохо.

Юцин понимающе кивнул:

— Да, говорил. И думал так тогда, и думаю сейчас.

—... И ты не считаешь меня бессердечным?

Чи Юцин, даже не раздумывая, качнул головой и, глядя Цзинсяню прямо в глаза, произнёс:

— В чём же тут бессердечие? Раз за разом потакать выходкам и ошибкам младшего брата — это не доброта, а мягкотелость. А вот когда решаешь поставить точку и перестать тянуть эту лямку — это не жестокость. Это умение вовремя отпустить. Ты сделал для него всё, что мог, и ничего ему не обязан. Это он перед тобой в долгу. Что же касается тех топ-менеджеров, у которых мозги набекрень съехали... За свои глупости нужно отвечать и терпеть нагоняи. К тому же проекты, которые ты им поручил, хоть и сложные, но вполне выполнимые. А премия по итогу перекроет любые нынешние штрафы. И после этого ты называешь себя бессердечным?

Говоря это, он не удержался, хмыкнул и, протянув руку, ласково погладил Цзинсяня по щеке. Заметив, как этот обычно невозмутимый человек слегка нахмурился, выражая лёгкое, без капли отторжения, замешательство, Юцин тише добавил:

— У тебя явно искажённое представление о жестокости.

Дуань Цзинсянь, чью щеку только что так бесцеремонно и ласково сжали, с этим не согласился. По крайней мере, с точки зрения обывателей, он действительно был жестким, бескомпромиссным и сухо-холодным человеком. А теперь ещё и с родным братом порвал — разве это не лучшее подтверждение слухам?

Впрочем...

Разжав пальцы, он посмотрел на мягкую игрушку и снова перевёл взгляд на Юцина:

— Тогда ответь мне прямо и предельно честно.

Чи Юцин улыбнулся и без колебаний ответил:

— Я никогда не считал тебя бессердечным. Всё, что я говорил в больнице, могу повторить слово в слово. Ты замечательный. Строгий, властный, любишь всё держать под контролем — ну и что с того? Мне именно такой и нравится.

— Юцин...

Чи Юцин накрыл своими ладонями руку Цзинсяня, сжимавшую плюшевого панду, и произнёс предельно серьёзно:

— Обрубить концы — значит вовремя минимизировать убытки. Те, кто не знает подлинной сути дела, не имеют права тебя судить. Смотри на меня и слушай только то, что говорю я. Этого достаточно. Младший дядя, я никогда тебя не брошу.

Его намерение завоевать это сердце оставалось неизменным, но ведь любовь и родственная поддержка вполне могут сосуществовать. Чем питать иллюзии на счёт тех, кто этого не ценит,

и выжигать себя изнутри, куда разумнее вовремя отступить.

А всё, чего жаждет Цзинсянь, Юцин способен дать сполна.

И справится с этим куда лучше Дуань Минъюя.

От этих слов в душе Дуань Цзинсяня, только было успокоившейся, вновь поднялись трепетные волны.

Свободной рукой он прикоснулся к щеке Юцина. В груди разлилось сладкое, невесомое тепло, словно от растворившегося облака сахарной ваты. Как у этого парня получается находить именно те слова, которые попадают в самое сердце?

Вот только... До трёхмесячного срока оставались считанные дни.

Прежде эта второстепенная личность никогда не удерживалась дольше трёх месяцев. Цзинсянь страстно желал, чтобы Юцин остался навсегда, но умом понимал: шанс ничтожно мал.

Заметив его задумчивость, Чи Юцин чуть прижался щекой к его ладони:

— Мне ужасно нравится, как ты говоришь. Всё: от интонаций и тембра до выбора слов.

Дуань Цзинсянь опомнился, загнав тревожные мысли глубже в душу, и ответил чуть более непринуждённо:

— И тебе не кажется, что я чересчур строг? Кто же добровольно выслушивает выговоры?

Юцин придвинулся ближе и хохотнул:

— Да ты можешь быть хоть во сто крат строже! Младший дядя, слова не стоит понимать чересчур буквально.

Нужно уметь читать между строк.

А ещё ловить едва заметные смены мимики, которые упускают другие. Это ведь так увлекательно! Кого волнует образ недостижимого цветка, если на самом деле он может быть настолько живым и настоящим?

Слушая его и глядя в эти горящие глаза, Дуань Цзинсянь окончательно обрел внутренний покой. Если неизбежное должно случиться, значит, нужно просто ценить каждый прожитый

день, каждую совместную секунду.

И делать то, что в его силах.

Он едва заметно кивнул, принимая доводы Юцина. Нельзя заставить людей ладить, если они несовместимы. И если даже родной брат вонзил нож в спину, стоящий перед ним человек всё ещё достоин и доверия, и любви.

Что же касается его собственного маленького эгоизма...

— То, что ты сейчас сказал, запомни крепко-накрепко, — напоследок произнёс Цзинсянь.

— Разумеется! — отрезал Юцин.

Увидев, что настроение Цзинсяня исправилось, Чи Юцин облегчённо перевёл дух.

Поднявшись на ноги, он подождал, пока тот бережно уберёт игрушку, и, подавив в себе лёгкие уколы ревности к плюшевому сопернику, перешёл к делу.

Положив ноутбук перед Цзинсянем, он повернул к нему экран:

— Что бы ни произошло, я всегда на твоей стороне, не сомневайся. А теперь взгляни сюда. То, что провернул Дуань Минъюй... Нельзя сказать, что у него совсем нет мозгов. Но поступает он...

Исключительно из низости.

Дуань Цзинсянь вчитался в строки на экране. Там отображалась выписка с зарубежного счёта второй ветви семьи, и с учётом движения средств вывод напрашивался сам собой: деньги не были спущены в утиль. Их просто аккуратно перевели на другой счёт, где они лежали в абсолютной безопасности.

Зачем же было разыгрывать спектакль с убытками?

Исключительно для того, чтобы выразить ему свой протест?

Продвинуться так далеко и не спустить капитал — для Минъюя это действительно был шаг вперёд в плане хитрости. Но, с другой стороны, намеренность его действий заставляла сердце сжиматься от холода.

Идти на такие ухищрения ради того, чтобы досадить старшему брату... Насколько же сильно он

его ненавидит?

Цзинсянь понимал, о чём промолчал Чи Юцин. Вот только сейчас... В душе осталась лишь глухая апатия. Хватит. Пора ставить точку.

У него нет ни сил, ни желания играть в эти мышинные возилки.

При этой мысли голос его зазвучал сухо и отстранённо:

— Наличие мозгов — это замечательно. В конце концов, впредь ему придётся распоряжаться своей жизнью самостоятельно.

Глаза Юцина блеснули. Это означало окончательный разрыв.

Открыв ещё одно окно, он мягко напомнил:

— Общее собрание сотрудников ещё не началось. Как поступить — решать только тебе, но учти: на этот раз дело не только в дурости Минъюя. Кто-то умело подливал масла в огонь.

Юцин уже раздобыл доказательства того, что Минъюй действовал не без подачи Вэй Чуяня.

Эти двое стоят друг друга.

Глупый братец сам сошёлся с этим ничтожеством Вэй, и они быстро нашли общий язык. Судя по всему, Вэй Чуянь решил отомстить за прошлый щелчок по носу — затаил обиду и на Цзинсяня, а потому охотно подогрел спесь Минъюя, подтолкнув того к бунту, чтобы чужими руками выместить злость.

Юцин не стал ничего скрывать. Он выложил всё как есть, чтобы Цзинсянь принял взвешенное решение и потом не жалел. Сам-то Юцин терпеть не мог Минъюя, но понимал, что его дядя всё же питает к родному брату определенные чувства.

Однако Дуань Цзинсянь своего решения не изменил.

Из представленных отчётов ясно прослеживалось: Минъюй сам искал повод, сам вынашивал план и претворял его в жизнь. Вэй Чуянь лишь дал пару удобных советов.

Это нельзя было назвать чистым подстрекательством.

Минъюй был твердо намерен вырваться из-под опеки, а потому сам пошёл на контакт с недоброжелателем своего брата. Враг моего врага — мой союзник.

Враг...

Неужели они дошли до того, что стали врагами?

Спустя долгую паузу Цзинсянь тихо проговорил:

— Я всё решил. Раз он так этого хочет, он это получит.

Уловив в его голосе глухую, тяжелую отстраненность, Чи Юцин понял: решение окончательное и обжалованию не подлежит. Беззвучно вздохнув, он обнял Цзинсяня за плечи, привлекая к себе, и произнёс чуть понизившимся голосом:

— Не хочет — и не надо. В худшем случае вы просто не сошлись характерами. Ты ни в чём не виноват, не смей брать эту ответственность на себя.

Его дядя — самый лучший на свете!

Дуань Цзинсянь на мгновение прикрыл глаза, пряча за ресницами ледяную тьму.

Ни в чём не виноват? Наверное, они оба ошиблись наполовину. А может, как и сказал Юцин, они просто слишком разные люди. В конце концов, родственные узы ничем не отличаются от дружбы или любви.

Зато теперь у него есть то, что действительно ценно.

Он поднял руки и медленно обнял Юцина в ответ, крепко прижимая его к себе.

Даже если этот человек уйдет, даже если их счастье окажется недолгим, то тепло, которое он дарит прямо сейчас — настоящее. И воспоминания, созданные им, останутся навсегда. Этого уже достаточно.

Хотя в глубине души Цзинсянь молил лишь об одном: пусть Чи Юцин задержится на этот раз еще хоть немного. Еще на капельку дольше.

Юцин погладил его по спине, утешая, а когда отстранился, заметил, что уголки глаз Цзинсяня слегка покраснели. Не став, как обычно, отпускать подшучивания, он лишь мягко напомнил, что после завершения дел они вместе поедут домой.

На этом тема Дуань Минъюя была закрыта. Вычеркнуть — значит вычеркнуть. Прошлое осталось в прошлом.

Вскоре на общем собрании коллектива трое топ-менеджеров один за другим выступили с публичными самокритичными отчётами. Они выражались предельно четко, и любой, у кого есть уши, без труда понял подоплеку.

Особенно после того, как в зал вошёл Дуань Минъюй, и Дуань Цзинсянь взял слово, произнеся лишь несколько скупых фраз.

Если не хочет опеки — отныне опеки не будет. Филиал переводится на полную самоокупаемость и больше не имеет отношения к головной компании. Иными словами, старший брат умывает руки: пусть младший крутится как хочет.

Чи Юцин стоял у стены, внимательно наблюдая за реакцией братьев и сотрудников корпорации.

Перемены — это к лучшему.

А вот для персонала корпорации «Дуань» это выглядело едва ли не сменя эпох. Отныне главным любимчиком, способным ходить по коридорам гоголем, был не второй молодой господин, а молодой господин Чи, с которым у их босса прежде были натянутые отношения.

Гм... Впрочем, если забыть о прошлом, сейчас этот парень казался весьма толковым и надежным, не так ли?

По окончании собрания Чи Юцин вышел вслед за Дуань Цзинсянем. Оказавшись в коридоре, он взглянул на профиль идущего рядом мужчины — тот выглядел вполне спокойным.

Завершив дело, его дядя больше не мучился сомнениями. Раз решение было принято после долгих раздумий, то и последствия он встречал с холодным достоинством.

Поняв, что всё улеглось, Юцин уже собирался привычным жестом подцепить пальцы Цзинсяня, как вдруг за спиной раздались торопливые шаги.

Он замер, убрал руки за спину и обернулся. К ним приближался Дуань Минъюй — сияющий, словно вырвавшийся из клетки узник. Он явно сгорал от желания выпятить грудь победителя.

Юцин мельком взглянул на Цзинсяня и остался молчать.

Минъюй, выслушав речь брата на собрании, прекрасно понял её суть, но не удержался от того, чтобы вставить свои пять копеек.

Остановившись перед старшим братом, лицо которого оставалось абсолютно непроницаемым, он с трудом подавил торжествующую дрожь в голосе:

— Раз уж сказал при всех, изволь держать слово! И не смей больше лезть в мою жизнь! С меня хватит!!

Дуань Цзинсянь посмотрел на родного брата с легкой, едва уловимой печалью.

Как брат, он действительно потерпел крах.

Но раз всё зашло так далеко, оставалось лишь поставить точку. Наведя порядок в мыслях, он произнес:

— Разумеется. Я слов на ветер не бросаю.

Чи Юцин же посмотрел на Минъюя с ледяным презрением:

— Перестанет лезть — так перестанет. Только ты сам крепко запомни: когда в следующий раз вляпаешься в дерьмо, из которого не сможешь выпутаться самостоятельно, даже не думай прибегать к брату. Понял?

— Ещё как понял! — огрызнулся Минъюй.

Он смотрел на Чи Юцина как на идиота с разжижением мозгов. Жить под пятой у маньяка контроля? Ну, первое время это можно терпеть и даже наслаждаться такой гиперопекой, но кого не сглазит подобное в долгосрочной перспективе? Это же удушье!

Он с нетерпением ждал дня, когда эти «милые дядя с племянником» перегрызутся.

Чи Юцин знал, что Минъюй его ни во что не ставит, но разве сам он относился к нему иначе? Набитый дурак, у которого вместо мозгов лунный ландшафт. Живет в шоколаде и не ценит этого — ничего, день, когда он приползёт с раскаянием, не за горами.

Напоследок Юцин добавил:

— Сделай одолжение, исключительно из уважения к твоему брату дам совет: держись подальше от Вэй Чуяня. Не будь олухом, которого продадут, пока он радостно считает чужие деньги. А то прибежишь потом к брату сопلي вытирать — я с тебя со смеху умру.

Сердце Минъюя ёкнуло: неужели они пронюхали про его контакты с Вэй Чуянем? Впрочем, какая разница? Теперь ему всё равно.

Бросив напоследок резкое «не суй нос не в своё дело», он вальяжно удалился. Постылая жизнь в золотой клетке официально завершилась — впереди ждала полная свобода!

Даже если этот путь окажется тернистым, даже если он набьет кучу шишек, это его личный выбор, и он готов нести ответственность. Разориться — и то за счастье!

Пусть Дуань Цзинсянь посмотрит и лопнет от зависти: без его указки Минъюй добьется куда больших высот!

Глядя вслед удаляющемуся брату, Дуань Цзинсянь больше не удостоил его ни единым взглядом и направлялся к лифтам.

Чи Юцин провожал Минъюя тяжелым, пристальным взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Но стоило ему развернуться и пойти за Цзинсянем, как вся мрачность мгновенно испарилась.

Ему не было дела до Минъюя — главное, чтобы тот больше не досаждал Цзинсяню.

А сейчас... Время сводить счёты за всё произошедшее.

Вернувшись в кабинет президента на верхнем этаже, Юцин взял ноутбук и устроился на ковре возле дивана. Ся Лань как-то проговорила, что Дуань Цзинсянь специально приказал постелить сюда мягкий и толстый ковер, чтобы сидеть было максимально комфортно.

Размяв пальцы, Юцин мельком глянул на Цзинсяня, который уже погрузился в документы. В уголках глаз парня ещё тлели искры не остывшей до конца ярости.

Пора за работу.

Спустя час с небольшим он закончил, сладко потянулся, лениво поднялся с ковра и пошел «сдавать работу». Прислонившись щекой к щеке Цзинсяня, изучавшего отчёты, он промурлыкал:

— Я ушёл в студию. Приготовил для тебя небольшой подарок, скоро получишь.

Дуань Цзинсянь погладил Юцина по волосам и не стал расспрашивать о деталях, лишь произнёс:

— Буду ждать.

— Угу!

Не прошло и получаса после ухода Чи Юцина, как Ся Лань вошла с докладом. Благодаря этому Дуань Цзинсянь узнал, в чём заключался «подарок». Это действительно оказалось скромным... но чрезвычайно приятным сюрпризом.

В сеть утекла целая охапка пикантных снимков Вэй Чуяня. В светских кругах поднялась волна насмешек и осуждения. Учитывая, что семья Вэй вращалась в сфере шоу-бизнеса, к общественному мнению они были чувствительны вдвойне. А поскольку сам Вэй Чуянь был человеком жутко тщеславным, этот удар пришелся точно по его больному эго.

На бизнесе это скажется не сильно, но кровь ему попортит знатно.

Ох уж этот мальчишка...

Цзинсянь повернул голову к окну, разглядывая стоящий напротив офисный небоскреб. В его глазах вспыхнул мягкий, теплый свет, растопивший привычный лед, а аура вокруг сменилась с суровой зимней стужи на ласковое весеннее дыхание.

В студии «Ясный день» Чи Юцин внимательно отслеживал реакцию сети. Получив сообщение от Дуань Цзинсяня, он не удержался от смеха — тот прислал стикер с поглаживающим котиком.

Надо же, какая редкость!

Милота стикера зашкаливала. А тот, кто прятался за ним? Милее во сто крат!

Не откладывая, Юцин тут же набрал его по видеосвязи, болтал еще какое-то время и повесил трубку только после того, как Цзинсянь выгнал его работать.

Отложив телефон, он посмотрел на небоскрёб Дуань напротив, и губы его самовольно растянулись в улыбке. Теперь эту историю точно можно считать закрытой.

Вэй Чуянь думал, что можно безнаказанно пакостить из-за кулис?

Как бы не так! Юцин вовсе не отличался ангельским великодушием. Основным виновником был Минъюй, к которому у него не было охоты цепляться дальше, поэтому мерзавцу Вэю досталось лишь легкое предупреждение.

Разумеется, сделано всё было с умом. У Вэй Чуяня пруд пруди врагов, мотив найдет у каждого первого. Юцин даже оставил парочку ложных следов — пусть теперь эти псы грызутся между собой и не лезут к нормальным людям.

Разобравшись с этим, он снова почувствовал непреодолимое желание побыть рядом с Цзинсянем. Тот только что порвал с братом, и хотя держался молодцом, ему нужно время, чтобы окончательно переболеть это.

А для этого необходимы и уединение, и ненавязчивое присутствие близкого человека рядом.

Однако...

Вскоре Юцин заметил неладное. Хотя Дуань Цзинсянь мастерски маскировал свои чувства и вообще не отличался эмоциями наружу, Юцин, находясь слишком близко и проводя с ним массу времени, уловил едва заметные детали.

Дуань Цзинсянь испытывал тревогу.

Учитывая статус и положение его дяди, трудно было представить, что способно внушить ему подобную неуверенность, граничащую со скрытым страхом. Это было абсолютно аномально — даже перед лицом предательства и бунта брата он не выглядел так.

Юцин не мог пройти мимо.

Он категорически не хотел видеть, как Цзинсяню причиняют боль. Сначала он грешил на проблемы в компании, но когда спросил напрямую, тот твердо ответил, что дело не в работе, и попросил не забивать себе голову. Но не забивать не получалось.

Если не работа — значит, личное.

И с кем же это связано?

Юцин ломал голову, но так и не находил ответа. На повторные расспросы Цзинсянь просто пресекал разговор на корню и переводил тему.

Вот тогда-то Юцин и осознал: оказывается, его педантичный и рациональный дядя до совершенства освоил искусство уклонения от ответов.

Но куда сильнее скрытности и увиливаний Юцина пугала потенциальная угроза, нависшая над этим человеком.

В тот вечер, после традиционных перед сном объятий и пожеланий доброй ночи, Юцин проводил Цзинсяня до спальни, а сам остался стоять в коридоре, прислонившись спиной к стене. В его тёплых карих глазах под светом ламп беззвучно закипала ледяная решимость.

Он не станет беспомощно наблюдать за тем, как над Цзинсянем сгущаются тучи.

Вернувшись к себе, он долго размышлял, после чего набрал сообщение Ци Хэмину.

До этого он уже успел расспросить дворецкого Хэ и тётушку Цзян — оба понятия не имели, что происходит. Ся Лань, которую он допрашивал экивоками, тоже не дала никакой полезной информации. Оставались только друзья Цзинсяня.

И в отличие от Фу Цзибиня, Юцин склонялся к тому, чтобы сперва переговорить именно с Ци Хэмином.

Слова, сказанные вице-президентом Ци в прошлый раз, слишком крепко засели у него в голове.

Тот перезвонил почти мгновенно. Юцин сразу перешёл к делу:

— У моего дяди в последнее время странное состояние. Г-н Ци, вы знаете причину?

—... Знать-то знаю, но решения у меня нет.

Такая откровенность заставила Чи Юцина нахмуриться:

— Если вам не трудно, объясните, в чём суть проблему? Разные люди смотрят на вещи по-разному, авось мы вместе что-нибудь придумаем.

— Тут и придумывать нечего: кто завязал узел, тому его и распутывать.

???

!!!

Чи Юцин, до этого сидевший на кровати со скрещенными ногами, от этих слов подскочил как ужаленный.

Он соскочил на ковер, принявшись мерить комнату шагами, а его речь резко ускорилась:

— Говорите прямо! Это как-то связано со мной? Но чем я мог навредить?! Дома я вел себя тихо, студия выводится на стабильную прибыль... О чём ему переживать?!

— Ты спроси у него сам.

— Да я пытался!

Выпалив это, Юцин резко замер на месте, его лицо потемнело от внезапно осенившей догадки:

— Случилось что-то, о чём я не знаю?

—... Молодой господин Чи, есть вещи, которые я не вправе разглашать. Если хочешь узнать — добивайся ответа от него самого. Сможешь ли ты развязать ему язык — зависит только от твоих способностей, тут я не помощник.

Чи Юцин прикрыл глаза, всё поняв.

Дело, похоже, крайне серьёзное. Позицию Ци Хэмина можно было понять: тот проявлял уважение к воле самого Дуань Цзинсяня, а заодно проверял, насколько сам Юцин готов бороться за решение этой проблемы.

Переведя дыхание, Юцин произнёс:

— Всё равно спасибо. По крайней мере, я нащупал ниточку в этом клубе и теперь знаю, куда двигаться.

— Не за что. Я и сам хочу, чтобы у него всё было хорошо... Как бы там ни было, если собираешься что-то предпринимать — не теряй времени.

Юцин коротко попрощался и отложил телефон, но вопросов в голове не убавилось — напротив, их стало ещё больше.

Помимо непонимания того, как суть проблемы может кроиться в нём самом, его озадачивал и сам тон Ци Хэмина. Тот говорил так, будто Юцину осталось жить считанные дни, а потому нужно уплетать всё подряд, делать всё, что вздумается, гулять напропалую и не оставлять сожалений.

Словно у него обнаружили неизлечимую болезнь.

Впрочем, за подсказку он был искренне благодарен. Кто повесил колокольчик — тому и снимать? Пусть сам он не помнил, как заварил эту кашу, зато вектор был ясен. Нужно сесть с Цзинсянем и поговорить по душам, и на этот раз не давать ему никакой возможности уйти от ответа.

Юцин не любил откладывать дела в долгий ящик, но время было позднее — его дядя, скорее всего, уже спал.

А может... Из-за переживаний он тоже не может уснуть?

Юцин бесшумно выскользнул из комнаты и прошёл в противоположную спальню. Подойдя к кровати, он убедился: Дуань Цзинсянь действительно спал, но спит беспокойно — меж бровей

залегла глубокая складка.

Юцин просто опустился на ковёр у изголовья и долго-долго смотрел на него. Наконец протянул руку и аккуратно разгладил пальцем напряжённый лоб. Хотя этот мужчина прекрасен с любым выражением лица, Юцин предпочитал видеть его невозмутимым и расслабленным.

Холодным, но уверенным в себе.

Он тихо просидел так полчаса, пока дыхание Цзинсяня не выровнялось, и только после этого вернулся к себе.

Перед сном он заводя сразу несколько будильников и отставил телефон на дальний стол, чтобы спросонья не выключить их на автомате. Завтра же утром нужно окончательно во всём разобраться.

Вот только планы рухнули в одно мгновение.

Юцин, спавший из-за тревоги чутко, проснулся от первого же звука. Открыв глаза, он замер секунд на пять, увидав сидевшего на краю его кровати Цзинсяня. Но не успел он произнести и слова, как Дуань Цзинсянь поднялся, намереваясь уйти.

Э?

Это ещё что за фокусы?!

Юцин только подобрался, собираясь слезть с кровати и догнать его, как силуэт мужчины перед ним качнулся, потерял равновесие и тяжело устремился прямо к полу!

<http://bllate.org/book/20021/1991470>